

Title	Ванновский и Япония
Author(s)	Кожевникова, Ирина П.
Citation	Acta Slavica Iaponica, 13, 149-166
Issue Date	1995
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/8081
Type	departmental bulletin paper
File Information	KJ00000034046.pdf

Ванновский и Япония

Ирина П. Кожевникова

Александр Алексеевич Ванновский (существуют разночтения этой фамилии: “Ванновский” и “Вановский,” написанные рукой самого Александра Алексеевича; мы считаем правильным придерживаться написания “Ванновский,” как он сам писал в последние годы жизни) родился 11 сентября 1874 г. Отец, сын священника, выходец из тамбовского села Ваново — отсюда и фамилия Вановские — был офицером. Мать, урождённая Дурасова, — дочь помещика Саратовской области. Детство мальчика проходило в Туле, где отец занимал должность старшего адъютанта при начальнике гарнизона.

Когда Александру исполнилось 10 лет, родители отдали его в 3-й Московский кадетский корпус на казённое содержание. Занятия ему давались легко, особенно математика и физика, и в старших классах он склонялся к карьере инженера.

После окончания в 1893 г. кадетского корпуса Ванновский, отбыв воинскую повинность на Военно-училищных курсах Киевского пехотного юнкерского училища, в звании подпоручика вышел в запас и в 1896 г. поступил в Императорское Московское техническое училище (в советское время — Высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана, ныне — Технический университет).

В училище читал лекции по политической экономии Сергей Николаевич Булгаков, впоследствии отец Сергей, известный священник и богослов. Он был всего на три года старше Александра и был тогда убеждённым марксистом. “Мне улыбалась техническая карьера, — писал в своих воспоминаниях Ванновский, — но чисто моральные убеждения толкали меня в революцию, марксистскую основу которой развивал нам Булгаков в своих блестящих лекциях.”

Ещё до поступления в училище Ванновский несколько месяцев посещал кружок по самообразованию, существовавший при Московском университете, — один из первых марксистских кружков в России.

Но решающее влияние на политические взгляды Александра оказал его старший брат Виктор Алексеевич Ванновский (1867–после 1919), имевший к этому времени революционный стаж и два года одиночного заключения, закончившегося душевным заболеванием. Отданный родным на поруки, Виктор, который для конспирации продолжал симулировать помещительство, через брата Александра создал в Техническом училище социал-демократический кружок, из которого в 1897 г. возник Московский Союз борьбы за освобождение рабочего класса. Делегатом от него на учредительный съезд социал-демократической партии в Минске поехал Александр. Вскоре он, как и другие участники съезда был арестован и после 14 месяцев заключения в Таганской тюрьме получил по приговору трёхлетнюю ссылку в Вологодскую губернию.

Здесь было много ссыльных интеллигентов: социал-демократов, социал-революционеров и просто таких, кто как-то соприкоснулся с революционным движением — оригинальный романист Алексей Ремизов, пушкинист Павел Щеголев, эсер Борис Савинков, социал-демократы Анатолий Луначарский и его шурин Александр Богданов,

публицист Вацлав Воровский.

В Вологде Ванновский познакомился с Н. А. Бердяевым, к которому всю жизнь питал глубочайшее уважение.

Ссылку Александр Алексеевич отбывал в Сольвычегодске, где вместе с другими ссыльными и своей женой Верой Владимировной Яковенко строил планы продолжения революционной деятельности, создал социал-демократическую группу “Воля.” Они нелегально переправили из-за границы печатную машину и шрифты и организовали тайную типографию сначала в Рыбинске, а потом в Ярославле, куда Ванновский приехал по окончании ссылки.

В 1903 г. группа Ванновского была арестована. После двух лет заключения в ярославской тюрьме в июне 1905 г. он был освобождён — в России уже бушевала революция. Александр Алексеевич принимал в ней самое активное участие — и в Киевском, и в Московском вооружённом восстаниях. Обвинения против него были очень серьезными. “Если бы меня схватили в Киеве, — рассказывал в старости Ванновский журналисту Владимиру Цветову, — военно-полевой суд приговорил бы меня к расстрелу. В случае ареста в Москве меня ожидала виселица.”

Он уходит в подполье, живёт “надеждой на близость другой, более удачной революции.” Берется за перо, чтобы изложить свой собственный военный опыт. Пишет брошюры “Стачечная революция 1905 г.” (вышла только в 1917 г.), “Тактика уличного боя,” “Тактика милиции” и статью “О подготовке к вооружённому восстанию” для большевистской газеты *Пролетарий* (1906, №11).

К этому времени относится знакомство Ванновского с Лениным. Они встречались несколько раз. В 1907 г. Александр Алексеевич ездил в Финляндию, в Куоккала, где Ленин жил в то время с Александром Богдановым. Разговоры шли в основном о делах Военно-технического бюро (ВТБ), где Ванновский играл активную роль. Это была, по его словам, “вольная революционная организация,” задачей которой было распространение военно-технических знаний среди членов партии для подготовки к новому вооружённому восстанию.

Но подспудно в нём зрел духовный перелом. Постепенно он приходил к выводу, что социальное обновление не может быть достигнуто путём насилия. В старости он писал: “После 1905 года, когда потухли огни национальной революции, у меня начали возникать сомнения в целесообразности социал-демократической программы и, вообще, в правильности материалистического понимания истории, выдвинутого Марксом. Я стал склоняться к мысли, что истинный социализм требует духовного обновления человечества, в силу чего классовая борьба должна быть соединена с борьбой за личность, способную творить новую, более совершенную культуру.”

Александр Алексеевич начинает искать в литературе идеального героя, который мог бы стать эталоном для многих людей. Он останавливается на Гамлете, видя в нём высокий гуманизм, который считал основой человеческой личности. Одновременно, как и многие интеллигенты того времени, он обращается к Христу. Несколько десятилетий обе эти личности, пройдя в его сознании оригинальную трансформацию, найдут отражение в одной из его работ. Увлёкшись такого рода философскими и чисто литературными вопросами, а также психологией — он много читает Фрейда — Ванновский выходит из партии, отходит от всякой политической деятельности. Заработок на жизнь ему дает его техническое образование. Некоторое время он

работает от Переселенческого управления в лесах Западной Сибири, в Томском уезде. Там ему приснился вещий сон, по его словам — “замечательное сновидение,” которое он назвал “космическим.” Будто он находится в большом городе, а сверху блистает грандиозный фейерверк небесных огней, похожих на извержение вулкана. По небу двигаются сияющие планеты, оставляя сверкающие следы. С высоты небес медленно спускается бесконечная вереница людей в пламенных одеждах, их чёрные волосы и желтоватые лица придают им восточный вид. Вокруг одной из планет вьются огненные вихри и на одно из мгновений она показалась Ванновскому раскрытой книгой, листы которой треплет ветер. На чёрном как уголь небе остаются сверкающие следы от движущихся светил, которые, переплетаясь, складываются в сложный узор, похожий на огненные письма.

Склонный к предчувствиям и предзнаменованиям, Ванновский расшифровал этот сон так: ему суждено будет попасть в страну с действующими вулканами и большими городами, где живут люди с жёлтой кожей, т.е. в Японию. Огненные письма он понял, как указание на таинственную книгу, которую ему суждено будет расшифровать, а в планете, похожей на книгу с трепещущими листами, — намёк на “Апокалипсис,” которым он в то время начал интересоваться.

Но в 1914 году началась Первая мировая война. Ванновский добивается отправки в действующую армию, несмотря на опасность, что раскроется его революционное прошлое. Он получает назначение на Западный фронт и проявляет незаурядную смелость, за что был награждён орденом Святой Анны 3-ей степени.

В 1916 г. Ванновского командировали в Петроград в Офицерскую электротехническую школу для прохождения ускоренного курса по радиотелеграфу. А по её окончании, когда он собирался ехать обратно на Западный фронт, ему последовало предложение следовать на Восток, в Хабаровск, для продолжения службы на военной радиостанции в должности её начальника. “В этом предложении, приближавшем меня к Японии, — писал Ванновский, — я увидел перст судьбы и сразу согласился.”

В 1917 г. в России произошла Февральская революция, а затем октябрьский переворот. В 1918 г. Ванновский был в Петрограде на офицерском съезде как делегат от Приморского военного округа. Он мог бы возобновить знакомство с Лениным, но, как он сам писал, “между нами была уже пропасть.”

Во время наездов в Москву, Ванновский бывал у Бердяевых, участвовал в литературных вечерах. В это время его все больше увлекает история христианства. Л. Ю. Бердяева, жена философа, зная его интересы, подарила ему свой перевод философского трактата “Догмат и критика” с дарственной надписью “Паладину Христа.” С Н. А. Бердяевым он делится впечатлениями о том, что происходит в России.

В эти трагические дни, когда казалось, что действительно пришло “царство Антихриста,” Ванновский верил, что социальные проблемы не могут быть разрешены “путём длительной Варфоломеевской ночи,” что спасение России — в духовном возрождении и единстве. В 1918 г. в Хабаровске вышла его статья “Знамя возрождения,” в которой он писал:

...Если мы поймём, что великое будущее нашей страны требует от нас великого единения в борьбе за лицо гражданина нового, действительно трудового общества, в котором “несть ни эллин, ни иудей,” “ни пролетарий, ни буржуа,”

а есть только работники духа, творцы общечеловеческих ценностей, то мы поймём также и всю бессмыслицу кровавого хаоса, в котором пребываем, и найдём средства к его преодолению.

В это время Александр Алексеевич настолько серьёзно заболел нервным расстройством, что медицинская комиссия признала его “совершенно неспособным к воинской службе.” Ему рекомендовали морские купания.

“И вот, — пишет он, — судьба подставила мне вторую ступеньку — врачи предложили поехать на два месяца в Японию, где, по их мнению, начался купальный сезон.”

Так в июне 1919 г. Ванновский оказался в Японии.

Он поселился в Иокогаме. Там жило много русских, поэтому у него не возникало трудностей с языком. Морская вода была тёплой, люди приветливы, пейзажи удивительно красивы. И главное — покой, который он уже не испытывал много лет. А из России доходили мрачные слухи. На Дальнем Востоке шла ожесточённая гражданская война — “время всеобщего развала и разгула низших инстинктов.” После падения Колчака Ванновский стал серьёзно задумываться, не остаться ли ему в Японии. Сохранившийся дневник Александра Алексеевича, начатый в марте 1920 г. — он назвал его “Книга итогов,” свидетельствует как нелегко далось ему решение не возвращаться в Россию. Ему часто снится родина, родные, которых он оставил, уйдя в “дебри исканий”: “Настойчиво продолжают меня преследовать сновидения — основным мотивом которых является моё пребывание в Советской России.” “Сегодня в ночь опять сновидения, тяжёлые и мучительные, опять моя душа совершала полёт в Советскую Россию, опять страдала муками всех живущих там.” Но он не может туда вернуться, так как считает своей миссией написать книгу, которая помогла бы людям духовно очиститься. В своём дневнике Ванновский писал:

Я ориентируюсь на звезду будущей России, которая создается в сердцах людей, ищущих моральные законы.

Несмотря на страшные головные боли, он обуреваем мыслью о своей будущей книге. Мечтает об организации работников духа:

Власть должна принадлежать не классу — будет ли этот класс рабочим, или буржуазным, или крестьян, а именно работникам духа, которые вербуются из всех классов. Организация работников духа это моральная, а не экономическая категория, она должна состоять из людей, способных на жертву во имя блага русского народа, из людей, которые ищут не власть, не богатство, а счастье людей... Организация работников духа — это новая церковь, новая теократия. Они только и могут вывести людей на путь спасения, ибо они не нуждаются в иностранных штыках и не боятся разбойников, как бы они себя не называли, большевиками или семёновцами.

Ванновский понимал, что жизнь в Японии не способствовала его творческой деятельности, а без знания языка он не мог обеспечить себе постоянный заработок. Он стал подумывать о переезде в США или Канаду.

В августе 1920 г. в своём дневнике он писал:

Получил визу в Америку и хочу и не хочу оставлять Японии. Кажется ясно, что в Японии мне трудно с моими работами о Шекспире, трудно найти работу, трудно существовать. Но Восток притягивает меня глубиной своего

созерцательного настроения, своей философией, храмами, буддийскими легендами, укладом жизни и прочее. Чувствую, как будто приехал на новую родину, дальнюю родину своего духа.

Очевидно в своем предыдущем воплощении я имел какое-то отношение к Японии? Поэтому легенда об Урашима кажется мне такой близкой и знакомой...

Возможно, что я жил на берегу моря, при древнем буддийском храме, как монах, посвятивший себя изучению Священного писания. И затем душа моя [...] (неразборчиво) от лотоса буддизма вошла в меня, чтобы послужить делу сближения Запада и Востока.

По крайней мере в России я тосковал по Востоку, как по моей далёкой Родине. Все это так, но трудно на Востоке начинать учёную карьеру, иби нет подходящей среды...

Но жизнь сама разрешила его сомнения — ему последовало приглашение от профессора Катаками занять место преподавателя русского языка и литературы в университете Васэда — там на филологическом факультете как раз открывалось русское отделение. Судьба поставила ему ещё одну ступеньку.

“Так три ступеньки судьбы, — писал Ванновский, — привели меня в Японию и дали возможность в ней остаться.”

Служба в университете обеспечивала ему безбедное существование. Он попал в среду людей, своих японских коллег, любящих культуру его родной страны. А общение с любознательной молодёжью, готовой сопровождать его и по Токио, и по его близким и дальним окрестностям, было целительным для его раненной души. В университете была большая библиотека — и русские, хорошо подобранные книги, и иностранные, собранные на отделениях английского, французского и немецкого языков. Декан филологического факультета Цубоути Сёё был самым видным в Японии знатоком и переводчиком Шекспира, и шекспироведение, в том числе книги о Гамлете, который по-прежнему интересовал Ванновского, было представлено в наиполнейшем виде. Впервые за много лет у него было время и возможности для размышлений, литературных занятий, умственного труда. Была возможность выписывать книги из Европы и США. Это позволило ему собрать обширную библиотеку, главным образом на религиозно-философскую тему. Александр Алексеевич следит за эмигрантскими журналами и газетами, вступает с ними в переписку. Так, уже в 1921 г. в харбинском литературном журнале (название неизвестно) появляется его статья “В стране богов. Мысли об Урашима — герое древнеяпонской легенды.” Вообще, приехав в Японию, Ванновский пытался разобраться в японской действительности и её корнях. Не владея японским языком (английский он освоил позднее), он читал то, что было ему доступно: *Душа Японии* Лафкадио Хёрна в русском переводе, книгу *Япония и её обитатели* в издании Брокгауза-Ефрона, статьи Г. Востокова, работы Б. Чемберлена. Но легенду об Урашима, прочитанную им в изложении Лафкадио Хёрна, Ванновский в своей статье не пересказывает, а даёт ей своё философское толкование: человек, посетивший “страну бессмертия,” вернувшись в обычную жизнь не может вести жизнь прежнего человека. “Своими переживаниями в стране богов, — пишет автор, — Урашима создал себе своё будущее, предопределил свой земной путь. Он бессознательно сплел сети своей кармы и сам поймал себя в них. Было бы наивно

думать, что судьба посылает нам роскошные грёзы единственно ради нашего удовольствия и не предъявит впоследствии своих суровых требований, своего кармического счёта.”

Увлечшись старинной легендой, Ванновский побывал в Канагава, где существовала улица, носящая имя Урашима, видел его могилу с древним полуразвалившимся памятником, изображающим черепаху с башней на спине. Посетил старинный храм, посвященный Урашима, где по преданию хранятся волшебный ларчик морской царевны, удочка, которой герой поймал черепаху, и палец героя. Для него, человека впечатлительного, это были детали, оживившие старую историю. К тому же подобные путешествия открывали ему дверь к познанию Японии.

Эта прекрасная страна, страна его космического сновидения, поистине была отмечена перстом судьбы. Она стояла на зыбкой земле и так близко соприкасалась с раскалённой магмой, что в ней постоянно ощущалось пульсирование чрева планеты. С первых дней приезда в Японию Ванновский постоянно ощущал его в землетрясениях, которые вызывали в нём двойственное чувство: “немного жутко, но интересно.” Он начинает интересоваться происхождением японских островов, катаклизмами, которыми так богата японская природа.

Вулканы с их грозной силой захватили Ванновского. Он совершает пешком подъем на вершину потухшего вулкана Фудзи, самую высокую и почитаемую гору Японии. Пишет поэтическое эссе “Японский богатырь.” Сравнивает Фудзи-сан с воином, который стоит на страже “счастья и покоя японского народа”:

...Он ведёт борьбу с зимними бурями и снежными вьюгами, со свирепыми грозами, осыпающими его огненными стрелами.

Пишет Александр Алексеевич и эссе о вулкане Асама-яма, сравнивает его с капризной красавицей, по несколько раз в день меняющей наряды.

Свой летний отпуск 1923 года Ванновский решил посвятить вулканам. Сначала он поехал на остров Оосима в Тихом океане, где находится действующий вулкан Михара-яма, а потом переехал в Ито и направился на потухший вулкан Акаги-сан. Совершив пешее восхождение, он провел там несколько дней, любясь альпийскими лугами, когда пришло известие о “Канто дайсинсай” — “Великом кантосском землетрясении,” поразившем район Токио — Иокогама. Возвращаясь в Токио, из окна поезда Ванновский видел, как “по лицу обширной равнины, точно паучьи лапы, протянулись длинные, изгибистые трещины.” Фотографии тех дней — сохранились они и в архиве Ванновского — запечатлели страшную картину разрушений.

Интерес к вулканам привёл Ванновского на остров Хоккайдо в город Хакодате, где весной 1929 года было грандиозное извержение вулкана Комагатакэ.

Вулканы, которые по мнению многих авторитетов, во многом определили быт японцев и выковали их характер, стали для Ванновского той точкой отсчёта, от которой начались его основные гипотезы, легшие в основу его работ.

Немного обжившись в Японии, Александр Алексеевич начал изучать японскую литературу. В ней его особенно заинтересовали древние мифы, предания и так называемый жанр “кайдан” — рассказы о привидениях: в них Ванновского привлёк мотив загробной мести, встречающийся у русских и европейских романтиков. Эта тема интересовала его еще в России — он её изучил настолько хорошо, что в 1929 году выступил автором-составителем разделов “Россия” и “Германия” в двухтомном

издании “Собрание рисунков к ‘кайдан,’ выпущенных ‘Тюо бидзюцуся’.” Ванновский решил заняться сравнительным изучением европейских и японских “страшных рассказов.” Но он натолкнулся на языковой барьер. Переводы на русский его учеников были так несовершенны, что по ним можно было составить лишь смутное представление об оригинале. После долгих размышлений — кто из живущих в Японии русских может помочь ему в переводах — Ванновский обратился к Михаилу Петровичу Григорьеву (1899–1943).

Ванновский познакомился с Григорьевым в конце 20-х годов.

Зная о его загруженности, он не очень надеялся склонить его заниматься изысканиями в древней литературе. Но к удивлению Александра Алексеевича тот охотно согласился. Когда Ванновский заикнулся о вознаграждении за эту работу, он замахал руками и отказался:

Меня интересует сам предмет, а не деньги, да и откуда они у вас!

Оказалось, что в это время Григорьев сам мечтал кроме практических переводов, необходимых для заработка, начать заниматься японской литературой, мечтая в будущем написать историю Японии, иллюстрировав каждый её этап художественными произведениями той эпохи.

Вскоре они перешли к началу начал японской литературы — к *Кодзики*, “Записям о делах древности,” первому литературному памятнику, повествующему о создании японской земли и японского государства.

О том, как шла совместная работа, рассказывает сам Ванновский:

Сидим за *Кодзики*. Он переводит с листа, поясняя текст комментариями профессора Цугита. Со свойственной ему деловитостью он запасся необходимыми пособиями и, прежде всего, двумя увесистыми томами примечаний и пояснений к мифологическому периоду японской истории этого профессора. Сопоставляет с *Нихон-Сёки*, с *норито*. Я обращаю его внимание на эпизоды, что могут понадобиться мне для статьи, и он даёт мне их точный перевод.

Наверное только специалист может оценить познания и эрудицию тогда ещё совсем молодого Григорьева — ему было около тридцати или тридцать с небольшим. К тому же он не был специалистом по древней литературе, не имел ни университетского образования, ни филологической подготовки.

В чём же была главная трудность?

Ванновский объясняет её так:

Мы ищем в *Кодзики* объединяющего начала, которое позволило бы нам понять японский миф как одно художественное целое. Нам нужна теория, исходя из которой можно было бы объяснить все тёмные и загадочные места мифа. А их так же много, как и в *Гамлете*. В поисках ключа обращаемся к обширной литературе о *Кодзики*. Но она нас не удовлетворяет, ибо в ней, как и в литературе о *Гамлете*, имеется несколько глубоких и оригинальных воззрений, а всё остальное сплошь вариации к ним. И мы ходим к специалистам по *Кодзики*, которые любезно принимают нас и дают указания, которые все-таки не выводят нас из лабиринта мифа.

Дело заключалось в том, что Ванновский и Григорьев рассматривали сюжет *Кодзики* как борьбу двух начал — начала светлого, организующего, и тёмного,

хаотического. Но в эту схему никак не укладывались богиня Идзанами и бог Сусаноо. В конце концов пришлось признать подобную попытку неудавшейся.

Но хоть загадка мифа и не была решена, совместный многолетний труд принёс плоды. Оба досконально изучили *Кодзики*. Ванновский написал статью “Мифология *Кодзики* и Библия,” где сравнивал мифы о творении мира. Эта статья была прочитана им в японском обществе “Мэйдзи” 26-го апреля 1932 г., а в 1934-м напечатана в парижском журнале *Путь* — Ванновский послал её Бердяеву, с которым находился в переписке. Существует упоминание, что на неё благожелательно отзывался Н. К. Рерих. Григорьев же опубликовал в журнале *На Востоке* обстоятельную работу “Древнейший памятник японской культуры *Кодзики*.”

Однако проблема неразгаданного мифа продолжала, по словам Ванновского, стучаться в его душу.

И всё получилось по старой русской пословице: “Утро вечера мудренее,” смысл которой в том, что когда человека мучает какой-то вопрос, бывают случаи, что лучше не ломать голову над его решением, а решение придёт по истечении времени само собой.

В 1939 г., — писал Ванновский, — когда Григорьев окончательно переехал в Харбин, я задумал написать свои воспоминания о бурном прошлом, пережитом в царской России. В связи с этой работой, я обратился к своему космическому сновидению и вот тут меня, что называется, озарило — если на меня, человека XX столетия, вулкан произвёл столь сильное впечатление, то тем более это можно сказать про предков японского народа, пришедших из глубины азиатского материка, где нет вулканов.

Интересно, что приехавший в Японию Ванновский обратил внимание на то, что японцам, привыкшим к вулканам, извержениям и землетрясениям с самого детства и воспринимающим их как нечто обычное, в силу привычки не пришло в голову проанализировать *Кодзики* с этой точки зрения. Ведь часто бывают случаи, например в математике, когда открытия делают молодые неискущённые учёные, которые в силу отсутствия стереотипов находят нетрадиционное решение.

Но догадка, какой бы гениальной она не была, требует доказательств. Александр Алексеевич начал заново пересматривать весь материал, отбросив в сторону прежние теории. К весне 1941 г. он закончил работу *Вулканы и солнце. Новый взгляд на мифологию Кодзики*, где изложил свою точку зрения, что ключом к пониманию *Кодзики* является вулканическая природа Японии.

Как уже говорилось, наибольшую трудность для толкования мифа представляет собой история злосчастной богини Идзанами. Богиня-прародительница, спустившаяся с небес вместе с богом Идзанаги и сочетавшаяся с ним браком, родила восемь Великих японских островов, множество мелких, реки, горы и всё растущее на них, и богов, ведающих всем этим. Последним она родила бога огня, ставшего причиной её смерти. Неутешный вдовец бог Идзанаги решил отправиться за возлюбленной супругой в страну теней, чтобы уговорить её вернуться. Но увидев, что тело богини уже кишело червями и истекало гноем, он пустился наутёк и закрыл выход из страны теней огромной скалой. И разгороженные ею боги-супруги расторгают свой брачный союз, становясь непримиримыми врагами.

В чём здесь дело? — спрашивает Ванновский и отвечает:

Стоит только поставить вопрос, как сам собой напрашивается ответ: вулканы, рождающие из своего чрева целые острова, извергающие пламя и затем переходящие в состояние покоя, иначе говоря, превращающиеся в мёртвые вулканы, есть та космическая почва, на которой возник миф о богине идзанами. Богиня Идзанами — богиня земли, но не только в смысле богини плодородия, но и в смысле богини вулканической стихии, породившей японские острова. Эта вулканическая природа богини Идзанами является самой главной чертой её характера и она-то и мешает уложить японский миф о творении в схему греческого и вавилонского мифов.

Объясняется это тем, продолжает свои рассуждения Ванновский, что нигде в мире нет такого количества действующих вулканов и нигде так не проявляется их созидательная и, наряду с ней, разрушительная деятельность. Известно, что в VII в., во время царствования императора Тэмму было сильнейшее извержение вулкана Михараяма, в результате которого и возник остров Осима. Вполне вероятно, что древнему человеку это внушило образ богини, рождающей землю, как мать родит детей.

Но почему богиня Идзанами, родив острова, должна умереть? Почему она не остается на земле, которую она создала? Отгадка опять в характере вулкана: излив потоки лавы, он затихает и часто переходит в мёртвое состояние. Мёртвый вулкан является скрытым носителем гибели всего живого, ибо, по словам Ванновского, он может во всякий момент взорваться и произвести страшные разрушения. “Мёртвая богиня и в то же время богиня смерти, замурованная в подземной стране и угрожающая оттуда людям, как раз и соответствует подобному состоянию вулкана. Выход богини наружу означал бы грандиозный взрыв вулканической деятельности, который смёл бы всё рождённое ею раньше. Поэтому вполне понятно, что бог-творец, ратуя о сохранении созданного, и заграждает ей дорогу скалой Чибики-ива.”

И ещё один сложный вопрос пытается решить автор: если богиня вулканов должна умереть, то почему она умирает именно накануне создания небесных светил? (Богиня Аматэрасу и богиня Цукийоми рождаются из глаз и носа бога Идзанаги, когда он очищался от скверны преисподней.)

Всё дело, — отвечает он, — в ограниченности вулканического метода творения, определяющего собой судьбу богини. Вулкан может породить огромнейшие пространства земли, может воздвигнуть высочайшие горы, но он не в состоянии создать даже самой маленькой звёздочки. Поэтому-то, когда дело подходит к творению светил, богиня Идзанами в качестве богини вулканов оказывается бесполезной своему супругу.

Так же вулканической стихией объясняет Ванновский поведение бурного и непредсказуемого бога Сусаноо. Он не захотел управлять назначенной ему отцом водной стихией. Он плакал и кричал, пока его борода не доросла до груди, от плача не пересохла вся зелень в горах, а на слёзы не хватило воды в реках и морях. От этого целыми роями появились злые боги и возникли всякие бедствия. Тогда разгневанный бог Идзанаги изгнал сына из своей страны. Сусаноо прежде чем уйти, решил попрощаться со своей небесной сестрой богиней Аматэрасу и отправился на небо, где учинил много безобразий. Это так огорчило богиню Аматэрасу, что она затворилась в небесной пещере, и всё кругом погрузилось во мрак. Обеспокоенные боги хитро-

стью выманили богиню Аматаэрасу из пещеры, а Сусаноо изгнали на землю. Там он спасает девушку от страшного змия, изрубив его мечом, женится на ней и начинает мирно жить.

Как трактует миф о Сусаноо Ванновский?

Прежде всего он выдвигает предположение, что страна Ненокатасу, куда хочет уйти Сусаноо, подземная страна, имеющая отношение к вулканам, и что сам Сусаноо является богом вулканов. Он подробно анализирует сцену плача Сусаноо, от которого посохла вся зелень в горах и пересохла все реки и моря, и сравнивает её с деятельностью вулкана.

Известно, — пишет он, — что перед началом извержений вулканов сплошь и рядом пересыхают разные источники вод, причём вода уходит в трещины земли. Известно также, что извержение вулкана вызывается проникновением больших масс воды в раскалённые части его жерла, причём образуются в громадном количестве пары, которые и выбрасывают наружу разные вулканические продукты — песок, грязь, пепел, камни и пемзу. Это, фигурально выражаясь, и есть ‘слезы’ вулкана. На образование их ушли потоки воды, но они не излились на землю, а частью рассеялись в воздухе в виде паров, частью же остались в горячей груди вулкана. На землю же пали одни только ‘слёзы’ — сухие огненные слёзы, опалившие зелень и вызвавшие пожары и другие бедствия. Над рокочущим вулканом носились тучи камней, точно рои мух. Это, фигурально выражаясь, ‘злые боги,’ наполнившие своим гомоном всю землю. Итак, мы видим, что плач Сусаноо — это не плач бога морской бури, а плач бога подземной вулканической бури, плач бога вулканов.

Ванновский сравнивает поступки Сусаноо с тем, как происходит извержение вулкана. Вслед за его “плачем” начинаются подземные удары и землетрясение. Столб дыма поднимается в небо. Он пишет:

“Это,” — думал древний человек, — “вулкан идёт на небо, чтобы отнять у солнца его сияющие владения. Он так огромен, так массивен, что под тяжестью его шагов сотрясается земля.” Дым застилает небо, грязнит его светлые дали и помрачает солнце. Становится темно, точно ночью. “Буян взобрался-таки на небо. Вот он портит солнечные поля и грязнит светлые палаты солнца. И оно, не желая быть свидетелем подобного безобразия, укрылось в небесный грот.” Извержение кончается, и древний человек, радуясь появлению света, решает, что солнце одержало победу над вулканом и низвергло его обратно на землю. Для полноты картины заметим, что извержение вулкана имеет не только вредные, но и полезные стороны. Взять хотя бы вулканическую грязь, что оказывается плодородной почвой для разных культурных растений, например, для винограда. Поэтому, надо полагать, богу вулканов, каким является Сусаноо, приписываются на земле разные добрые дела... Сусаноо в качестве вулканического бога является одним из самых реальных, самых японских богов Японского Олимпа.

Автор высказывает предположение, что за плачем и бунтом Сусаноо кроется картина грандиозного извержения огромного вулкана. Он считает, что японские геологи могут пролить свет на время возникновения мифа по данным об извержении вулканов в седой древности. “Весьма вероятно, — заключает он, — что древний

человек видел в богах Идзанами и Сусаноо богов вулканической стихии. Но прошли века и первоначальный подлинный характер названных богов был забыт.”

Ванновский, исходя из своей теории, что в силу буйного и беспорядочного характера вулканических богов они не могут творить и не могут создать на земле порядок, приводит к выводу, что богиня Аматаэрасу послала на землю своих потомков, потому что только они, небесные боги, могут принести с собой порядок и устроить государство.

Автор выражает несогласие с видными японскими учёными исследователями *Кодзики*, считающими этот миф собранием разных легенд, лишённым внутренней связи, линии повествования. Он объясняет это тем, что постепенно была забыта вулканическая подкладка мифа, придающая внутреннюю связь всем излагаемым в ней событиям.

В последней главе книги “Миф о творении в *Кодзики* и Библии” (переработанный вариант статьи, опубликованной в 1934 г. в журнале *Путь*) Ванновский сравнивает их и находит в них много общих черт.

Он отмечает совпадение методов творения. В Библии Бог творит посредством Слова, в *Кодзики* бог Амэ-но-Минака-нуси — Властитель небесного царства — творит посредством своей творческой энергии через других богов, чьи имена указывают на порядок и предмет творения. Выходит, считает автор, что японские боги — это те же библейские слова, с помощью которых творился миф, только персонифицированные и обожествлённые.

Такое сходство наталкивает на мысль, что оба мифа вышли из какого-то одного источника, которым Ванновский вслед за некоторыми японскими учёными считает мифы древней Месопотамии. Такого рода суждения исходили из гипотезы, что предки японского народа вышли из тех мест. Так, писатель Оябэ Дзэнитиро выдвинул предположение, что предками японского народа были евреи, пришедшие из Малой Азии. Исследователь *Кодзики* Исикава Сансиро тоже считал, что предки японцев вышли из Месопотамии, но он считает ими древнее племя, жившее в верховьях реки Евфрат, которые по пути смешались с другими народами — семитами, малайцами и полинезийцами.

Ванновский приводит утверждение Исикава, что Страна пышного тростника, в которой небесные боги наводят порядок, находится именно в Месопотамии, а не в Японии, где нет обширных болот, поросших тростником. Исикава также считал, что название страны богов Такамагахара идёт от названия города Харон, родины иудейского патриарха Авраама.

Для Ванновского такого рода исследования японских учёных были подтверждением его выводов о сходстве мифов о творении в Библии и *Кодзики*. “Но, — задает он вопрос, — если предки японского народа принесли с собой с азиатского материка миф о происхождении земли, то, спрашивается, зачем им понадобилось создавать ещё дополнительный миф о рождении японских островов?” И Александр Алексеевич даёт на этот счёт свою собственную оригинальную гипотезу. Он рассуждает так:

Предки японцев,двигающиеся с азиатского материка на Восток, должны были прежде всего попасть на богатый вулканами остров Кюсю. Там, кроме находящегося на побережье вулкана Сакурадзима, имеется ещё гигантский вулкан Асо — “настоящее царство вулканов.” (Ванновский не поленился сам

съездить и своими глазами увидеть его.) Помимо самого Асо, обладающего пятью огромными кратерами, имеется ещё обширное кратерное поле, а также целый ряд отдельных вулканов, вытянувшихся в струнку, подобно солдатам, построенным в одну шеренгу. Трудно себе даже представить, что произойдёт, если такая вулканическая махина “заплачет” и “забунтует” всеми своими кратерами!

Извержения вулкана Асо бывают так часто, что “их не перечесть,” так говорится в старинном японском труде *Нихон тири фудзоку тайкэ*. Об одном из них говорится в *Нихон сёки*.

Возможно, что древние переселенцы явились свидетелями такого сильного извержения. В каком бы направлении пришельцы не передвигались по острову, они непременно должны были натолкнуться на Асо, ибо он находится в самом его центре, близ современного города Кумамото. Вспомним еще, что на азиатском материке, откуда они пришли, за исключением отдалённой Камчатки, нет действующих вулканов. Перевоплотимся в душу древнего человека, впервые узревшего грандиозные проявления вулканической деятельности, и мы поймём, что он должен был пережить сильнейшую потребность уяснить себе их значение. И вот тут на помощь ему приходит дар мифотворчества, ибо назначение мифа в том и заключается, чтобы путём одушевления природы служить осознанию её явлений... Так и возник миф о богине Идзанами, рождающей острова, подобно тому, как вулканы извергают из своего чрева новые образования земли.

Знакомство с деятельностью вулкана Асо подтвердили предположения Ванновского о буйном боге вулканов Сусаноо. В окрестностях вулкана есть небольшое озеро, которое временами совершенно высыхает, точно его “выплакал” Сусаноо. Огромные массы пепла издали похожи на проливной дождь, от которого могло пойти представление о “слезах вулкана,” а зрелище извержения, когда небо застилается тучами чёрного дыма, закрывающего солнце, — о борьбе вулканического бога с солнцем. Так постепенно мог сложиться миф о плаче и бунте Сусаноо. Ванновский делает свое заключение:

Вулканические впечатления, — вот фактор, сыгравший огромную роль в развитии мифотворчества. Вулкан Асо, можно сказать, — колыбель мифологии *Кодзики* — этого родного детища японской земли.

Работа Ванновского *Вулканы и солнце* была окончена в мае 1941 г. Увидела свет она много позднее — война, когда автор как и многие другие иностранцы был интернирован в горное место Каруидзава, а потом послевоенная разруха, не способствовали её публикации. Только в 1955 г. книга вышла в переводе на японском языке, а в 1960 — на английском, когда Александру Алексеевичу было уже за восемьдесят. Напечатана она была небольшим тиражом и по всей видимости — при материальной поддержке друзей. На неё откликнулись, главным образом, исследователи синтоизма и древней литературы. Так еженедельная газета *Синто* в номере от 1-го апреля 1961 г. опубликовала восторженную статью под заголовком “Мифология *Кодзики*,” объявив книгу Ванновского “гениальной.”

Но нельзя не признать, что по-настоящему широкого отклика книга Ванновского не получила и сейчас совершенно забыта. Дело, думается, заключалось не в самой

работе, а в том времени, когда она появилась. После разгрома в войне японского милитаризма и безоговорочной капитуляции Японии, в стране начались демократические преобразования. Синтоизм же с его библией *Кодзики*, который в годы войны стал идеологией военных, подведивших с его помощью теоретический базис под свою безудержную экспансию и оправдывавших её “особой ролью японской нации,” был скомпрометирован в глазах широких кругов и отошёл в тень. Даже император, “Сын Неба” по *Кодзики* и прямой потомок богини Аматэрасу, по новой конституции стал только “символом японского народа,” а название страны “Японская империя” было заменено на более скромное — “Японское государство.”

Ванновский же, окончив *Кодзики*, был полон мыслями о завершении работы над *Гамлетом*, которой он с перерывами занимался полвека. В письме в Шекспировское общество в США, написанном в конце 50-х годов, Александр Алексеевич объяснял, с чего начался его интерес к Шекспиру:

Дело в том, что к *Гамлету* я пришёл не совсем обычным путём, ибо по своей специальности я не филолог, а техник, и занимался до того в России инженерными и геодезическими работами. Но революция 1905-го года, в которой русский народ впервые выступил на арену политической жизни, поставила передо мной вопрос об обновлении человеческой личности. В то время, надо сказать, Лев Толстой бил в ту точку, что новое общество нуждается в новом человеке, и что интеллигенция должна отойти от революции и заняться культурным и религиозным просвещением своего народа.

Соглашаясь во многом с великим писателем, я всё же не разделял его учения о непротивлении злу насилем, а также его слишком рационалистического подхода к религии, и потому стал искать новых путей. Я обратился к изучению художественной литературы, полагая найти в ней ответ на вопрос о возвышении человека, что, к слову сказать, составляло излюбленную тему романов Достоевского.

И тут я наткнулся на *Гамлета*...

Ванновский со свойственной ему страстностью, взялся за изучение шекспировской трагедии и это захватило его целиком.

Со времени приезда в Японию Ванновский не оставлял свою работу о *Гамлете*. В 1962 г. на английском языке вышла его книга *Путь Иисуса от юдаизма к христианству в понимании Шекспира. Разыскание скрытого иудейского сюжета трагедии Гамлет*. В ней Ванновский высказывает убеждение, что Шекспир при написании *Гамлета* пользовался иудейскими источниками — книгами Иосифа Флавия, посвящёнными царствованию Ирода Великого и его преемников. В них описывалась история, сходная с историей, произошедшей в Датском королевстве. Но Ванновский пошёл ещё дальше — на множестве примеров он доказывает, что действие трагедии происходит в Иерусалиме (Кстати, топографические реалии Иерусалима и места действия *Гамлета* действительно совпадают — я убедилась в этом, побывав в Израиле — Н. К). Александр Алексеевич выдвигает гипотезу, что принц Гамлет является религиозным реформатором: от языческих представлений, что месть убийце облегчает участь страдающей душе жертвы и от иудейской морали “Око за око” он переходит к христианской заповеди “Не убий.”

Ванновский считает, что дух отца Гамлета, явление которого многие критики

рассматривали только как театральный приём, на самом деле задуман как антитеза к образу короля, и именно он руководит поступками Гамлета. И колебания Гамлета, когда он всё время, коря себя, откладывает месть, сам не понимая почему, на самом деле внутренняя работа его души под влиянием Духа, внушающего ему, что важно не убийство врага, а пробуждение в его душе совести. По мнению Ванновского, Дух — это Логос, Божественное слово, вселившееся в Гамлета и руководящее его действиями. Противоречащие этому убийства Полония и короля Ванновский объясняет тем, что Шекспир в последний момент изменил конец трагедии, чтобы не попасть на костер как еретик, если церковь заметит в *Гамлете* христианскую подоплеку.

Этот тезис — не убийство врага, а пробуждение в нём совести, звучит во многих работах Ванновского. В одной из первых его работ, опубликованной в 1923 г. в сборнике *Изучение иностранных литератур* университета Васэда “Новые данные о влиянии Шекспира на Пушкина. (Загадка мести за душу),” он разбирает два совсем не схожих между собой произведения: трагедию Шекспира *Гамлет* и рассказ Пушкина *Выстрел*. Автор находит аналогию в действиях их героев. Гамлет во время представления “Гонзаго” вместо того, чтобы убить короля, предаётся бурному восторгу, так как, по словам Ванновского, “поймал совесть короля.” Сильвио, по его же словам, во время дуэли “подобно Гамлету выявляет ценное в душе противника, рискуя при этом своей жизнью.”

Тот же мотив звучит и в статье Ванновского “Легенда о буддийском священнике Уго-Зензи”(1944). Путь веры, духовное обновление, поиски пути к новому, более совершенному человеку занимает мысли Ванновского. Под этим углом он очень своеобразно разбирает творчество русских классиков. Публикует статьи “О драме Пушкина *Борис Годунов*”(1927), “Зеркало судьбы. Сон Татьяны” (1935), “Тайна Достоевского” (1936), “Творение в понимании Гоголя и Достоевского” (1952).

В 1965 г. в Токио на русском языке выходит его “главная книга” — *Третий Завет и Апокалипсис. Новые данные о жизни и учении Спасителя мира*, посвящённая “светлой памяти друга и учителя Николая Бердяева.”

Интерес к Апокалипсису возник у Ванновского ещё в 1910-е годы, когда, порвав с марксизмом, Ванновский погрузился в изучение *Гамлета*. В то время русские религиозные философы так называемого Серебрянного века часто обращались к апокалипсическим мотивам. Систематически он начал штудировать Апокалипсис в Японии и ещё в 30-ых годах набросал, так сказать, “первый вариант” этого труда. О своей работе он писал в Париж Н. А. Бердяеву, который, вероятно, высказывал на её счёт свои суждения. Продолжая изучение гамлетовской темы, которая в его интерпретации во многом переплеталась с христианством, Александр Алексеевич не оставлял намерения разгадать труднопонятные образы Откровения святого Иоанна.

В ходе изучения Апокалипсиса Ванновский пришёл к выводу, что не Апокалипсис вышел из Евангелия, а Евангелие из Апокалипсиса. И раз “Откровение предшествует земному служению Христа, то Созерцателем видений был не апостол Иоанн, а сам Спаситель мира.”

Апокалипсис, — делает автор свой главный вывод, — это видения будущего Спасителя, пережитые им в процессе воплощения в него Духа Божия.”

Высказав эту догадку, Александр Алексеевич через анализ Откровения пытается понять личность его автора, которым он считает Иисуса Христа. Прежде всего,

по мнению Ванновского, Созерцатель видений был поэт. Сила и яркость образов указывает на его молодость. Конструкция откровения та же, что и в греческой драме “Орестея” — отсюда вывод, что автором Апокалипсиса мог быть только тот, кто хорошо знал и иудейскую религию, и греческий театр, т.е. человек, вышедший из эллинско-иудейской семьи.

Далее он делает вывод, что Созерцатель вырос в богатой семье — он часто употребляет названия драгоценных камней, к которым, видимо, привык с детства. Он получил блестящее по своему времени образование — прекрасно владел астрономией, математикой.

Совершенно неожиданно трактует Ванновский восьмую и девятую главы Откровения: хорошо изучивший вулканы и бывший сам свидетелем извержений, он увидел в этих фантастических картинах описание этого грозного явления:

За образами девятой главы, кроется картина последовательного извержения вулкана — сначала дым, как “из большой печи” — это начал извержения. Затем саранча — горячие сгустки пепла и глины. И, наконец, конное войско в “огненных бронях” — это блистающие потоки лавы, завершающие собой картину бедствия.

Итак, по гипотезе автора, Созерцатель видений, вышедший из богатой эллинско-иудейской семьи и получивший лучшее по тем временам образование, до какого-то времени жил обычной жизнью человека своего сословия. Вероятно, он любил — ведь только любящий может поэтично описать жену, облечённую в солнце и в венце из двенадцати звёзд. Но после того, как ему явились видения, открывшие его предназначение, он порывает со своей семьёй, порывает со своей возлюбленной, как Гамлет с Офелией, и принимает имя Иисуса Христа. Вероятно, у него явилась потребность где-нибудь в тиши вести своё служение и подготовиться к своему подвигу. Он удаляется в Назарет и входит как приёмный сын в семью плотника Иосифа.

Итак, по мнению Ванновского, Созерцатель видений, пережив воплощение в него Логоса, Слова Божьего, превратился из человека в Богочеловека и создал новый христианский мир.

Изучение Апокалипсиса позволило Ванновскому сделать свой главный вывод, что человек должен вести со зверем борьбу в себе и что возрождение России возможно только через обновлённое христианство.

Образы Апокалипсиса постоянно присутствуют в статьях Ванновского, публикующихся в печати после 2-ой мировой войны в газетах русских эмигрантов в США — *Русская жизнь* и *Новое слово*. Он пишет и публикует материалы о своей революционной деятельности. Так в *Социалистическом вестнике* (Нью-Йорк, 1950) появились его воспоминания “Первый съезд РСДРП.” Годом раньше эта статья на японском языке была опубликована в журнале *Асахи хёрон* (1949, №12) под названием «小さな種が巨木となった話».

А в 1950 г. в том же *Асахи хёрон* были напечатаны его воспоминания о встречах с Лениным «大きな運命を擔う人: 地下運動時代のレーニンを語る».

Несмотря на годы, Ванновский мечтает завершить автобиографический труд — “От Маркса к Шекспиру и от Шекспира к Христу.” В своих работах он постоянно размышляет о том, почему гуманнейшие идеи революционеров, свято веривших, что революция делается во имя освобождения и счастья народа, на деле обернулась

трагедией. Ключ к несчастьям России он видит в нарушении естественного хода событий, в отступлении от христианских истин. И пути спасения он видит в возвращении к этим вечным ценностям.

Обуреваемый своими мыслями одинокий старик на чужбине трудится, не замечая как идёт время. Вспоминает минувшее, свои надежды на революцию, нисколько не подозревая, что когда-нибудь, — как он писал, — она так обманет все наши большие ожидания. Он размышляет, что и как произошло. Часто обращается к темам японской мифологии, к образу богини Идзанами, владычице подземного царства, видя в ней убивающую душу мертвенность. Семнадцатый год он считает моментом, когда “Скала Чибики-ива сдвинулась со своей основы и чёрное солнце вошло над страной апокалипсических ужасов и бедствий.”

Ванновский с жадностью следил за всем, что происходило на его родине. Победа над гитлеризмом всколыхнула его патриотические чувства, а XX съезд вселил надежду на поворот к лучшему. Конечно, его очень тянуло в Россию. В середине 50-ых годов он получил предложение вернуться. И хотя в его возрасте было уже непросто круто изменить привычный порядок жизни, он согласился. Но когда ему предложили за советский паспорт написать статью о русской эмиграции, разоблачая её прислужничество японскому милитаризму, он с возмущением отказался и смирился с тем, что ему уже никогда не суждено вернуться на родину.

А он был так одинок! Русских эмигрантов старшего поколения отталкивало его революционное прошлое. Молодым он казался странным и непонятым стариком. Бытовые чудачества заслоняли его истинную сущность. Мало кто из знакомых был в курсе его научных интересов, читал его работы и мог оценить и широту его познаний, и неординарность его личности.

Нечаянной радостью стало для Александра Алексеевича неожиданное письмо из Москвы — в 1962 г. его разыскала племянница его бывшей жены Мира Мстиславовна Яковенко.

Спустя много лет Ванновский узнал о своей семье, о том, что он дедушка, увидел фотографии дочери и внуки. Так началась его переписка с родными — он писал о своём житье-бытьё, о литературных трудах. В письме отцу Миры Мстиславовны — Мстиславу Владимировичу он с горечью писал:

Мне скучновато в этом огромном городе с его десятиллионным населением. В японскую жизнь я не вошёл и в жизнь иностранной колонии, состоящей главным образом из коммерсантов, также не вошёл. Вот только японская природа скрашивает моё одинокое существование. Люблю море, горы и особенно вулканы. Чуть не все вулканы излазил и наблюдал большие извержения. Теперь собираюсь в гости к вулкану Асо — самому большому вулкану на Дальнем Востоке. В нём жили раньше японские боги, теперь им вообще приходится плохо, так как в них никто не верит. На днях получил некоторое представление о Москве. Мой ученик — японский коммерсант — был в Москве на промышленной выставке и снял киноаппаратом главную улицу. Показал мне на экране. Москва стала гораздо красивей, чем раньше...

В преддверии 50-ой годовщины Октябрьской революции Александром Алексеевичем заинтересовались советские корреспонденты. Ещё бы, такая журналистская находка — один из основателей РСДРП, участник революции 1905 года, человек не

раз встречавшийся с Лениным!

Корреспондент *Известий* Борис Чехонин и корреспондент радио и телевидения Владимир Цветов встречались и беседовали с Ванновским. Но их обоих постигла одна и та же неудача — их материалы запретил ИМЭЛ. Ванновский, меньшевик и к тому же эмигрант, не входил в рамки канонизированной истории.

Александр Алексеевич с горечью узнал, что память о нём на Родине канула в Лету. Если в первой Большой советской энциклопедии, издававшейся в 20–30-е годы были статьи о нём и его брате Викторе, то в следующем издании 50-х годов о них уже не было ни слова.

Он жадно читал книги и журналы, приходившие из Советского Союза и с нетерпением ждал писем оттуда.

В эти, последние годы, жизнь Александра Алексеевича всё больше ограничивалась стенами его маленькой квартирки, полуяпонской-полуевропейской, тесной для его богатырского роста. Большую часть стен занимали книжные полки. Но глаза слабели и он всё реже обращался к книгам. Реже подходил и к письменному столу. Но верные друзья не забывали Ванновского. Это были профессор Маруяма Масао, в своё время корреспондент газеты *Асахи* в Москве, один из первых учеников Александра Алексеевича в университете Васэда профессор Курода Тацуо и Сергей Григорьевич Виштак, молодой предприниматель, сын русского сотрудника КВЖД — в его семье Ванновский находил и поддержку, и внимание к его делам, и заботу, так необходимые ему.

Но самым близким ему человеком стал в это время Симано Сабуро, по странной случайности рекомендованный Александру Алексеевичу его другом молодости писателем-эмигрантом Петром Михайловичем Пильским. Когда у Ванновского стало сдавать зрение, Симано, прекрасно знавший русский язык, читал ему газеты и журналы, а иногда и писал письма под его диктовку. Симано находился у Ванновского, когда тот неожиданно потерял сознание. “Скорая” отвезла Александра Алексеевича в больницу Божьей матери “Сэйбо бёин,” где через две недели, 16 декабря 1967 г. он тихо скончался. Похоронили его на кладбище Такао-рэйан, на северо-западе Токио, у подножья гор.

Прошли годы. Вряд ли кто-нибудь посещает могилу Ванновского. Ушли вслед за ним его друзья, а его ученики, даже последних лет, сами достигли уже преклонного возраста. Но остались его работы, книги, рукописи, которые, как сказал мудрый русский писатель Михаил Булгаков, “не горят.” И радостно сознавать, что сейчас, спустя много лет, ими, наконец, заинтересовались и на родине этого неординарного человека, и в Японии, где он прожил почти полвека.

Труды А. А. Ванновского

Книги

- 1 『火山と太陽：古事記神話の新解釈』東京，1960年 [*Volcanoes and the Sun: A New Conception of Mythology of the Kojiki* (Tokyo, 1960)].
- 2 *The Path of Jesus from Judaism to Christianity as conceived by Shakespeare* (Tokyo, 1962).
- 3 *Третий завет и Апокалипсис. Новые данные о жизни, личности и*

учении Спасителя мира (Токио, 1965).

Статьи

- 4 *Знамя возрождения* (Хабаровск, 1918).
- 5 *В стране богов: Мысли об Урашиме, герое древне-японской легенды* (Харбин, 1921).
- 6 “Новые данные о влиянии Шекспира на Пушкина (Загадка мести за душу),” *Васэда бунгаку* (Токио, 1923).
- 7 「浅間山の幻想」『キング』東京, 1927年1月 [“A Fantasy of Mt. Asama,” *King* (Токио, January 1927)].
- 8 「運命の鏡」『文学思想研究』東京, 1929–1930年 [“A Mirror of Fate,” *Bungaku Shiso Kenkyu* (Токио, 1929-1930)].
- 9 “О драме Пушкина ‘Борис Годунов’,” *Васэда бунгаку* (Токио, 1927).
- 10 “Мифология Кодзика и Библия,” *Путь* (Париж, март 1934).
- 11 “Зеркало судьбы: Сон Татьяны,” *На Востоке*, вып. 1 (Токио, 1935).
- 12 “Японский богатырь,” *На Востоке*, вып. 1 (Токио, 1935).
- 13 「ドストエフスキーの秘密」『ロシア文化の研究：八杉先生還暦記念論文集』東京, 1939年 [“Secret of Dostoevsky,” *Roshia bunka no Kenkyu: Yasugi sensei kanreki kinen ronbun shu* (Токио, 1939)].
- 14 “Памяти Михаила Петровича Григорьева,” *Восточное обозрение*, №16 (Дайрен, июль-сентябрь 1943).
- 15 “Преображенное бусидо,” *Восточное обозрение*, №19 (Дайрен, апрель-июнь 1944).
- 16 「小さな種が巨木となった話」『朝日評論』No.12, 東京, 1949年 [“A Big Tree Had Grown Up from a Small Seed,” *Asahi Hyoron*, No.12 (Токио, 1949)].
- 17 「大きな運命を擔う人：地下運動時代のレーニンを語る」『朝日評論』東京, 1950年 [“A Man Who Shoulders a Big Fate: About V. I. Lenin in His Underground Activity Period,” *Asahi Hyoron* (Токио, 1950)].
- 18 “Первый съезд Российской социал-демократической партии,” *Социалистический вестник* (Нью-Йорк, 1950).
- 19 「変貌した武士道」『早稲田大学国文学研究』東京, 1952年 [“The Transformed Bushido,” *Waseda Daigaku Kokubungaku Kenkyu* (Токио, 1952)].
- 20 “Истоки пророческой интуиции Достоевского: О романе ‘Бесы’,” *Новое русское слово* (Нью-Йорк, 15 марта 1952).
- 21 “Творение в понимании Гоголя и Достоевского,” *Русская жизнь* (Сан-Франциско, 2 февраля 1952).
- 22 “Марсиане в квадрате,” *Новое русское слово* (Нью-Йорк, 13 апреля 1952).